

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ «ТРЕТЬЕЙ» ВОЛНЫ ФЕМИНИСТСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

За последние 10—15 лет появился и получил развитие новый способ анализа языка, который с определенной степенью условности принято связывать с «третьей» волной феминистской лингвистики. Это новое течение феминистской мысли отличается от «второй» волны, которая появилась на Западе в 60-е годы прошлого столетия. «Вторая» волна фокусировала свое внимание на вопросах притеснения женщин как особой группы людей, полагая, что оно носит системный характер, требуя равноправия для мужчин и женщин, бросая вызов установившемуся статус-кво. Если оглянуться на 60-е годы XX века, то легко заметить, сколь многого добились феминисты. Даже простое перечисление таких достижений заняло бы много места: здесь и соответствующие изменения в законодательствах многих стран, провозглашающие равенство полов, и значительно более активное участие женщин в социальной, экономической и политической жизни общества и т. д. Все эти достижения бесспорны.

Вместе с тем, есть ощущение несколько сдержанно-критического отношения многих феминистов к теоретическим основаниям и принципам «второй» волны. Вероятно, это, не в последнюю очередь, происходит потому, что представители «второй» волны рассматривали женщин как некую однородную группу людей. Кроме того, подавляющее большинство исследований проводилось на материале опыта т. наз. *straight white middle class women* (белых представительниц среднего класса традиционной ориентации — своего рода WASPS). К тому же, женщины в работах представителей «второй» волны нередко предстают в образе пассивных созерцателей и даже жертв. В каком-то смысле можно, видимо, утверждать, что «третья» волна является критикой «второй» волны и началась практически одновременно с ней. Очевидно также то, что, несмотря на значительные успехи, существует довольно много сфер человеческой деятельности, где дискриминация женщин продолжает иметь место. (Избрание в новую Российскую Думу всего 45 женщин — «целых» 10% от общего числа депутатов — лишь один из примеров, красноречиво свидетельствующих о действительном состоянии дел.)

«Третья» волна — это комплексный способ анализа гендера, так сказать, не «сверху вниз», а наоборот. Как утверждают профессора Эkert и МакКоннелл-Гине, необходимо «*think practically and look locally*» [Eckert, McConnell-Ginet 1992]. Каковы же отличительные черты «третьей» волны?

Представляется, что исследователи, работающие в русле «третьей» волны, обращают внимание и учитывают различия, существующие между женщинами, не полагают их некой однородной группой. Иными словами, женщины перестают восприниматься как гомогенная группа, одинаково относящаяся к вопросам, связанным с гендером. Кроме того, приходит осознание того факта, что женщины не являются также группой людей, к которой совершенно одинаково относятся в рамках и в традициях разных культур. Многие женщины — представители бывшего СССР, выходцы из различных социальных слоев, афроамериканки, азиатки, лесбиянки, не «западные» женщины, в целом, не обязательно разделяют взгляды т. наз. *wasps* на положение женщин. «Третья» волна призывает к сдержанности при выработке суждений обобщающего характера, распространяющихся на всех женщин. Представители этого течения не считают гендер столь же неизменным параметром, как, например, расовую принадлежность и этническое происхождение. Они полагают, что фактор гендера существует и приводится в движение как бы «внутри» этих неизменных величин. Иными словами, гендер может по-разному проявляться у представителей разных рас, этносов и социальных групп. Он ими (этими характеристиками) конструируется и, одновременно, ограничивается. С другой стороны, гендер также по-своему влияет на них, в каком-то смысле определяя их в контексте местных условий. Представители «третьей» волны не пытаются формулировать некие

общие постулаты о существовании женского и мужского вариантов человеческого языка, не концентрируют свое внимание на поисках их отличительных особенностей. Скорее, речь может и должна идти об анализе языка конкретных групп мужчин и женщин в определенном контексте его функционирования.

Приверженцы «третьей» волны, опираясь на работу профессора Батлер «Excitable Speech: A Politics of the Performative», особое внимание уделяют перформативному характеру гендерной идентичности [Butler 1997]. В соответствии с этим подходом гендер воспринимается как глагол, как действие, как нечто такое, что женщины и мужчины делают в конкретных обстоятельствах ('doing gender'), а не как что-то, чем они просто — вне зависимости от обстоятельств — обладают. Джудит Батлер полагает, что человек творит свою гендерную идентичность во время и посредством своих обычных повседневных занятий. Таким образом, становится возможным наличие различных «gender identities» в зависимости от изменяющегося восприятия человеком ограничений, накладываемых контекстом. Иными словами, в центре внимания исследователей «третьей» волны практика и способы достижения различных, а не раз и навсегда данных и стабильных, гендерных идентичностей. В лингвистическом анализе это ведет к повышенному вниманию к вопросам конструирования гендерной идентичности, которая не принимается как существующая a priori.

Сторонники «третьей» волны стремятся отойти от анализа слова, рассматриваемого вне контекста, так же как от слишком общих абстрактных утверждений о значении тех или иных конкретных слов. Подобное было характерно для более ранних работ. Сегодня основное внимание уделяется контексту и конкретному значению, которое слово приобретает в нем. Иными словами, исследователи, работающие в русле «третьей» волны, заинтересованы, скорее, не в словарных дефинициях отдельных лексических единиц или их групп, а в интерпретации, которую языковые единицы получают в конкретной ситуации. В целом, можно утверждать, что произошел определенный сдвиг внимания исследователей от т. наз. глобальных проблем к вопросам локальным.

В связи с вышесказанным становится понятным то, что приверженцы «третьей» волны не считают, что значения слов существуют изначально и как бы «навязываются» носителям языка — мужчинам и женщинам. Напротив, большой интерес начинает представлять вопрос о конструировании женщинами и мужчинами значений слов. Значение какой-либо языковой единицы в определенном контексте есть результат действия всех заинтересованных участников коммуникации с учетом ограничений, накладываемых статусом, языковыми правилами-нормами и т. д.

Работы, выполненные в русле «третьей» волны, опираясь на труды М. Фуко о власти, стремятся уйти от несколько упрощенного видения власти как «давления» [Foucault 1972]. Вместо «репрессивной гипотезы» Фуко, согласно которой власть принадлежит мужчинам, а женщины ее лишены, основное внимание сосредоточивается, так сказать, на «местном» уровне властных отношений, на том, как взаимодействуют индивиды в соответствии со статусом, которым они наделены или которого добились сами. Этот статус проявляется в их поведении (в том числе лингвистическом) в конкретной ситуации: он либо подтверждается, либо опровергается. Фуко считает, что власть следует рассматривать как сеть (взаимо)отношений, а не как нечто изначально заданное и принадлежащее кому-либо. Таким образом, власть становится гораздо более земной, материальной и повседневной; она перестает быть чем-то абстрактным и неосязаемым, навязанным людям свыше.

Многие лингвисты «второй» волны характеризовали языковое поведение женщин как беспомощное, лишенное власти на том основании, что женщинам свойственно более частотное использование уважительных и вежливых форм, определенных типов вопросов, иных средств, направленных на сотрудничество с собеседником [Lakoff 1975]. Представители «третьей» волны полагают, что такой взгляд верен, возможно, только для очень небольшого количества wasps, и, даже в этом случае, только с учетом определенного контекста. Американки и британки африканского происхождения, по

мнению некоторых ученых, не обнаруживают знаков такой беспомощности и лишения власти [Henley 1995].

Аналитическим фокусом работ «третьей» волны перестают быть «беспомощные подчиненные» женщины. Как справедливо пишет Мэри Бухольц: «...much of the scholarship in language and gender has been what might be called 'good girl research' — studies of 'good' (that is normatively female — white, straight, middle class) women being 'good' (that is normatively feminine)» [Bucholtz 1999: 13]. Иными словами, характеристики *wasps* экстраполировались на всех женщин вообще. В этом ключе можно рассматривать работы Робин Лакофф (ее обсуждение беспомощности женского языка) и работы ее ученицы Деборы Таннен, фокусирующие внимание на отличиях, присущих женскому языку ('rapport talk rather than report talk') [Tannen 1990]. Многие представители «третьей» волны обращаются теперь к анализу сопротивления этим нормам, проявляемому некоторыми женщинами, а также к использованию ими языковых средств, не подтверждающих и не согласующихся со стереотипами фемининности. Например, С. Уолш проанализировала использование женщинами маскулинного языка в институциональных контекстах, фокусируя свое внимание на активистках экологического движения, членах парламента и женщинах-служителях церкви [Walsh 2001]. Она выяснила, что женщин, использующих «маскулинный, конфронтационный» язык, обычно критикуют и относятся к ним негативно. Исследование, проведенное М. Гудвин, показало, что девочки нередко используют в играх прямой и конфронтационный стиль речи [Goodwin 1994]. Это противоречит устоявшемуся мнению о том, что язык девочек, по определению, мягче, вежливее и более направлен на сотрудничество и партнерство по сравнению с языком мальчиков.

Представители «третьей» волны заявляют, что следует анализировать не индивидуальные гендерные характеристики, а т. наз. «гендерные практики». В частности, утверждается, что гендер не есть нечто, творимое человеком-индивидом, согласно модели, предложенной профессором Батлер. Фактически, гендер возникает из сложного взаимодействия, в которое вступает человек, обладая некими языковыми ресурсами, доступными ему/ей в определенной ситуации [Bergvall, Bing, Freed 1996]. Таким образом, если мы считаем, что, например, публичное выступление есть одно из проявлений маскулинной практики (предполагается уверенность, экспертность и даже — в определенной степени — агрессивность), то женщина может заниматься подобной практикой либо приняв соответствующий стиль (как если бы она была мужчиной), либо адаптировав его, сделав его более кооперативным, что, в конечном счете, может способствовать более эффективному осмыслению выступления и, следовательно, более продуктивному его обсуждению.

Внимание, которое представители «третьей» волны уделяют локальным проблемам, факт, бесспорно, положительный. Вместе с тем, это в какой-то степени затрудняет обсуждение влияния гендерных аспектов на более широкое сообщество. Представляется важным сохранить баланс между вниманием к локальным проблемам и пониманием необходимости учета влияния структур, которые нам, в значительной степени, навязаны.

Список использованной литературы

1. Bergvall V., Bing J., Freed A. (eds.). *Rethinking Language and Gender Research: Theory and Practice*. L., 1996.
2. Bucholtz M. Bad Examples: Transgression and Progress in Language and Gender Studies // Bucholtz M., Liang A., Sutton L. (eds.). *Reinventing Identities: The Gendered Self in Discourse*. N.Y., 1999. P. 3—24.
3. Butler J. *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. L., 1997.
4. Eckert P., McConnell-Ginet S. Think Practically and Look Locally: Language and Gender as Community Based Practice // *Annual Review of Anthropology*, 1992. № 21. P. 461—490.
5. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language*. N.Y., 1972.

6. *Goodwin M.* «Ay Chilliona!»: Stance-taking in Girls' Hopscotch // Bucholtz, Liang, Sutton and Hines (eds.) *Cultural Performances: Proceeding of the Third Berkeley Women and Language Conference*. Berkeley, 1994. P. 232—242.
7. *Henley N.* Ethnicity and Gender Issues in Language // Landrine, H. (ed.). *Bringing Cultural Diversity to Feminist Psychology*. Washington, 1995. P. 361—396.
8. *Lakoff R.* *Language and Woman's Place*. N.Y., 1975.
9. *Tannen D.* *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. N.Y., 1990.
10. *Walsh C.* *Gender and Discourse: Language and Power in Politics, the Church and Organizations*. L., 2001.